

ВАРАВА ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

Доктор философских наук, профессор,
профессор Департамента социологии,
истории и философии
Финансового университета
при Правительстве РФ

E-mail: vladimir_varava@list.ru

УДК 101.2

УСТАЛОСТЬ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ (этические основания нечеловеческой антропологии)¹

Аннотация. В последние десятилетия в интеллектуальной среде стала популярной идея «конца человеческой исключительности». Распространены такие концепты как «нечеловеческая жизнь», «мир-без-нас» и т. д. В статье показано, что конец человеческой исключительности имеет такие проявления в социокультурной плоскости, как гипертрофированная визуализация смерти, пандемия геронтофобии и танатофобии и появление пост-человеческих биотехнологий. В статье обосновывается, что появление «пост» свидетельствует об этическом коллапсе человека, который заключается в том, что человек устал быть самим собой. Предлагается обозначить эту экзистенциальную усталость известным понятием «*taedium vitae*», которое означает в самом широком смысле пресыщенность и отвращение к жизни. Высказывается идея о том, что появление и широкое распространение пост-идеологий связано именно с этой экзистенциальной усталостью. В заключении раскрываются некоторые «метафизические изъяны» пост-идеологий, порождающих нечеловеческие антропологии.

Ключевые слова: конец человеческой исключительности, нечеловеческая антропология, усталость быть человеком, экзистенциальная исчерпанность, смерть, иммортология, биотехнологии, этика.

© Варав В. В. 2020

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Н. Ф. Федоров. Энциклопедия с онлайн-версией». Проект № 18-011-00953А.

Vladimir V. Varava

Financial University under the Government of Russian Federation

E-mail: vladimir_varava@list.ru

TIREDFNESS OF BEING HUMAN (ethical foundations of inhuman anthropology)

Abstract. In recent decades, the idea of «the end of human exclusivity» has become popular in the intellectual environment. Such concepts as the «non-human life», «world-without-us» became widespread. The article shows that the end of human exclusivity has such manifestations in the sociocultural plane as hypertrophic visualization of death, the pandemic of gerontophobia and thanatophobia, and the emergence of post-human biotechnology. The article substantiates that the appearance of «post» indicates the ethical collapse of a person, which consists in the fact that a person is tired of being himself. It is proposed to designate this existential fatigue by the well-known concept of «taedium vitae», which in the broadest sense means satiety and aversion to life. The idea is expressed that the emergence and widespread dissemination of post-ideologies is connected with this existential fatigue. The conclusion reveals some «metaphysical flaws» in post-ideologies that give rise to inhuman anthropologies.

Keywords: the end of human exclusivity, inhuman anthropology, tiredness of being human, existential exhaustion, death, immortality, biotechnology, ethics.

DOI: 10.32691/2410-0935-2020-15-180-186

Идея «конца человека», его традиционного этического, метафизического, то есть, антропологического образа уже несколько десятилетий витает в интеллектуальной и духовной атмосфере современной философии и культуры. За ней стоит вопрос о ценности человека, или точнее, об оправданности человеческой исключительности. Показательной работой в этом плане является книга французского философа Жан-Мари Шеффера «Конец человеческой исключительности», в которой выдвигается программа нового натурализма в исследовании человека [Шеффер 2010].

Программа эта имеет *биоцентрическую* основу с такими её составляющими, как нейрология, этология и психология, однако, с далеко идущими социокультурными проекциями. Шеффер полагает, что человеческая форма жизни есть «один из эпизодов эволюции», не позволяющий вырвать её из сложного и неустойчивого комплекса форм жизни, которые ныне сосуществуют на земле. Отсюда следует такой принципиальный вывод, претендующий на мировоззренческое *credo* всей «натуралистической программы»: «Эта не-человеческая жизнь есть нечто гораздо большее, чем наша «среда», – она конституирует само наше существо, которое представляет собой лишь одно из её преходящих проявлений» [Шеффер 2010: 9].

Вообще понятие «не-человеческая жизнь» представлено сегодня достаточно широко. Можно отметить знаковые работы американского философа Юджина Такера, автора трилогии «Ужас философии», и британского философа Дилана Тригга, автора книги «Нечто: Феноменология ужаса». Оба развивают мотив не-человеческого, связывая его с феноменом ужаса [Такер 2017; Тригг 2017].

Ю. Такер следующим образом формулирует своё видение: «Мир является человеческим и не-человеческим (*non-human*), антропоцентричным и не-антропоцентричным, а порой даже мизантропичным. Возможно, одним из самых главных вызовов, с которым сталкивается сегодня философия, является постижение мира, в котором мы живем, одновременно как человеческого и не-человеческого» [Такер 2017: 10].

Основным понятием всей работы является понятие «мир-без-нас», и, соответственно, основной вопрос – как мыслить мир-без-нас? Автор пишет: «В философском контексте основной вопрос сегодня звучит так: всегда ли мышление ограничено рамками человеческой точки зрения?» [Такер 2017: 14]. Ответ достаточно радикален: *мышление не есть нечто человеческое*. И это не-человеческое (мир-без-нас) находится не по ту сторону мира, как считала традиционная метафизика, а в самом мире, в его разломах, аномалиях, лакунах.

Д. Тригг мыслит аналогичным образом, разрабатывая свой проект *не/человеческой феноменологии*. Он говорит, что «постчеловеческая онтология», оставляя за бортом феноменологию, лингвистический идеализм и постструктурализм, «избавила бы нас от устаревшего наследия осмысления мира в терминах нашего, и только нашего, доступа к нему. В рамках подобного представления обещание философии, которая бы заменила субъекты объектами, вдохновляется образом мира без нас. Эстетически это представление всего лишь подчеркивает то, что новая философия знала с самого начала: человеческие существа никогда не были и не будут центром мироздания» [Тригг 2017: 13].

Данный тип мышления безусловно манифестирует тезис о конце человеческой исключительности, развитый Ж.-М. Шеффером, правда, несколько на других, не на столь явных биоцентричных основаниях. Однако, общим является единая позиция о конце человеческой исключительности, в чём бы не находить её исток и основание.

Конец человеческой исключительности имеет вполне зримые проявления в социокультурной плоскости. Это, во-первых, *гипертрофированная визуализация смерти*, во-вторых, пандемия *геронтофобии* и *танатофобии*; и, в-третьих, появление *пост-человеческих биотехнологий* типа трансгуманизма. Последнее представляется наиболее показательным.

Чуть ли не общим местом считается, что именно в последнем столетии ценность человека сошла на нет, доказательством чего является та легкость, с которой медиа, включая кинематограф, транслируют человеческую смерть в невообразимо откровенном, циничном и массовом виде. Человеческая смерть как бы поставлена на поток; она масштабирована, как и всё в остальное в современном обществе. В личном плане она остаётся страхом и ужасом, но в социальном измерении потеряла всякую сакральность и достоинство.

Исследователь Дина Хапаева называет основную черту современного популярного культа смерти *коммодификацией*, определяя её как «явление, при котором индустрия развлечений превращает образы мучительной насильственной смерти в предмет широкого потребления» [Хапаева 2017: 9]. Иными словами, согласно автору, вымышленная «злая смерть» становится самым востребованным продуктом на рынке развлекательных услуг. Радикальное отрицание уникальности человеческой жизни проявляется в том, что «Человек впервые в западном искусстве рассматривается как обычная пища для друго-

го» [Хапаева 2017: 13]. Приравнивание человека к продукту питания есть крайняя степень унижения человека и уничтожение человеческого достоинства.

Конечно, за этим стоит та вопиющая девальвация человека, которая настигла его в XX веке с его войнами, концлагерями, депортациями, коллективизациями, геноцидами, социальными экспериментами и проч. Теодор Адорно поставил вопрос о возможности поэзии после Освенцима. Он писал о том, что Освенцим доказал, что культура потерпела крах, и что после Освенцима любая культура вместе с любой её уничижительной критикой – всего лишь мусор. Это так, потому что не просто культура, а идея человека потерпела крах, и теперь всякая идея человека всего лишь мусор.

Но так ли был ценен человек раньше, в прошлые эпохи? В ситуации до «смерти Бога» и, собственно, до «смерти человека», то есть «до Освенцима»? Стоит ли клеймить и поносить, как иные моралисты, современность? Такое ощущение, что Освенцим стал внешним проявлением того зла, ненависти и нелюбви к человеку, его сущностной неценности, всего того, что копилось очень долгое время и в одночасье прорвалось наружу, став «банальным злом», по выражению Х. Арендт. Не могло не прорваться, поскольку копилось ещё с незапамятных времен. А теперь уже ни стихов нельзя писать, ни вообще жить дальше.

Эти острые вопросы Адорно, конечно, правомерны, и постоянно нужно думать обо всём этом. На то и философия, чтобы не успокаиваться. Вообще, не только после Освенцима, но после смерти одного человека уже жить невозможно. А как жить после «мальчика у Христа на елке?»

Гуманизм с его одномерной претензией на обожествление человека как он есть всегда терпит поражение, свидетельство чему жесточайший деспотизм власти и мракобесный разгул терроризма в эпоху, которая хронологически наступила после того, как были провозглашены цветущие идеалы гуманизма. Злоба, ненависть, нетерпимость, предательство были и остаются в любом сообществе с любым политическим знаком. И гуманизм, ни христианский, ни светский, ни ещё какой, ничего изменить не в силах.

Вообще-то, это большой и непостижимый антропологический парадокс: человек не представляет для самого себя никакой ценности. Точнее, другой человек, не совсем близкий, а дальний. Далекый, чужой, но сущностно тождественный с ним принадлежностью к роду человеческому. Если бы человек имел ценность для других, а не для себя только, если бы люди любили и ценили друг друга, тогда это было бы общество людей с нравственным уровнем Николая Федорова, который не то, что убить другого, но не воскресить даже последнего человека не мыслил и считал это предательством по отношению к отцам.

Речь идёт о «массах», к которым он и пытался достучаться, видя их омертвевшие сердца и фарисейскую нравственность. Человек ведь всегда был материалом и, вопреки И. Канту, всегда лишь средством и никогда целью. Это не банальное «человек человеку волк»; здесь имеет место что-то более глубокое. Человек человеку неприятен, мерзок и отвратителен. И здесь не надо быть мизантропом, достаточно быть просто наблюдательным человеком.

Сегодняшняя фаза дегуманизации по своей сути – самая «гуманная». Она не требует истребления миллионов жизней, но лишь изменения своей антропологической сущности. Всё дело в приставке «транс»! И тогда наступит эпоха

«после человека». И здесь мы сталкиваемся с ещё одной проекцией конца человеческой исключительности, проявившейся в распространении различных *нечеловеческих антропологий*, связанных с интенсивным развитием биотехнологий.

Итак, образуется некий онто-культурный контур: *конец человеческой исключительности – коммодификация – танатофобия – постгуманизм*. Такова «причинно-следственная» связь, в которой, в действительности, трудно разобраться, что является причиной, а что – следствием. В любом случае, такова «духовная ситуация нынешнего времени», выражаясь языком К. Ясперса.

Представляется, что «моральный аргумент» в качестве первопричины сложившейся ситуации, в которой стал возможным разгул *нечеловеческого*, является наиболее релевантным. Современную эпоху «смерти Бога» также часто называют «эпохой пустоты», вкладывая в это понятие различные трактовки. Так или иначе, но большинство трактовок сводится к тому, что традиционная опорность сущего потеряла свою силу.

Появление «пост» в его различных модификациях свидетельствует о многом, но, прежде всего, об *этическом коллапсе человека*, который заключается в том, что человек *устал быть самим собой*. Эту экзистенциальную усталость уместно обозначить известным понятием *«taedium vitae»*, которое означает в самом широком смысле пресыщенность и отвращение к жизни. Оно использовалось множество раз многими авторами, но сейчас, как представляется, оно наиболее адекватно описывает сущность происходящих социальных процессов.

Сегодня и социальное, и индивидуальное тело устало, надорвалось, износилось, истрепалось, исчерпалось, поскольку человек устал быть собой. Появление идеологий «пост» означает своего рода *отказ от существования*, от существования в его традиционных антропологических, то есть этических и метафизических границах. И как следствие – появление *иммортологических (сциентических) утопий*, в сущности иммортологического безумия, стремящегося не только к бессмертию, но и к смене своего антропологического образа.

А может, и правда довольно уже человеку существовать в своей наличной смертной и поэтому такой ужасающе жестокой, бесчеловечной сущности? Может, не оправдал надежд человек, именно человек? Но, может, не сгореть ему нужно в огне и предстать на Страшный суд, а всего лишь поменять свой антропологический образ?

Но почему-то кажется, что не будет этого «после человека», что человек не испил ещё свою чашу до дна, рано ему становиться сверх- или постчеловеком. Смешно это как-то. После человека будет человек и только человек. Как бы ни хотел человек уйти от самого себя, не сможет он этого сделать, пока не научится ценить самого себя. Но не свой комфорт, уют и безопасность, не своё дело и даже призвание, а то самое бесценное «человеческое», обладателем которого он почему-то стал.

Отказ от существования, выражающийся в иммортологических проектах, есть не что иное, как *отказ от философии*. Это проявляется в том, что сторонник этих проектов оказывается совершенно равнодушным к двум важнейшим метафизическим чувствам, которые являются атрибутом человеческого. Это равнодушие к удивительнейшему факту нашего появления и присутствия, и равнодушие к трагичнейшему факту нашего исчезновения. Как раз эта метафизическая недостача и порождает все существующие идеологии «пост».

Если обобщить сущность метафизического изъяна пост-идеологий, порождающих нечеловеческие антропологии, то можно выделить по крайней мере четыре проявления этого изъяна:

1. Быть человеком значит быть смертным. Именно здесь заключается весь ужас и трагизм нашего существования, возможно, вся его нелепица, бессмыслица и абсурд, и, в то же время, единственное условие существования, в котором и смысл, и надежда, и, более всего, нравственное начало. Ибо выдержать смертность (и свою, и других, близких) и при этом остаться человеком – значит выполнить какую-то глубинную миссию человеческого предназначения. Здесь необходимо «мужество быть» (Тиллих), быть вопреки смерти, небытию, злу и абсурду. В конечном счете, выдержать смертность есть шанс стать человеком.

2. Технология не имеет доступа к антропологии. Между технологией и антропологией – бездна. И как мы не можем бесконечно длить свою жизнь по собственному произволению, так же мы не можем бесконечно длить технологическое вмешательство в антропологию. Паллиативное вмешательство возможно, оно всегда имело место, но до определённых пределов. Абсолютная граница – это смертность, не позволяющая длить жизнь сколь угодно долго, и антропологическая конституция, позволяющая модифицировать человека по различным моделям, исходящим из ограниченного разума.

3. Человек жив смыслом. В качестве существа духовного человек живёт смыслом, который не бесконечен, но имеет свой «срок годности». Когда кончается смысл, заканчивается жизнь. 89-й Псалом говорит: «Лета наша яко паучина поучахуся: дние лет наших в них же семьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь: яко прииде кротость на ны и накажемся» (Пс. 89:10). В современном переводе это выглядит так: «Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим». Это не природно-божественный детерминизм, а смысл удела, смысл человеческого смысла, в конечном счете. Андрей Платонов дал современный перефраз этой библейской мудрости: «дан срок – расходуи его не спеша, без злобы и напряжения» («Дикое место»).

4. Природа человека непостижима. Все попытки дать дефиницию человека, найти единственно верную и приемлемую антропологическую модель, как хорошо известно, не оправдались. Человеческая природа, если она вообще существует, не выводима ниоткуда (ни из природы, ни из Бога, ни из общества). Если что и можно сказать о природе человека, то это то, что она открыта, изменчива, находится в неизбывном поиске своей сущности. Иными словами, человек не есть нечто известное, то есть тайна и проблема для самого себя. И в этом уникальность человека. Исходя из этого, мы не можем точно сказать ни того, что такое смерть, ни того, есть ли она зло или благо для человека. Трагизм и тайна – вечные спутники человеческого бытия, делающие его человеком. Свидетельство этому – весь духовный опыт мировой культуры.

Таким образом, можно сказать, что этические основания нечеловеческой антропологии коренятся в экзистенциальной усталости человека быть самим собой. Это приводит к иммортологическому «оскоплению»: устраняя старость, болезни, смерть, мы тем самым лишаем человека тех экзистенциальных возможностей, которые делают его человеком.

Библиография

- Такер 2017 – *Такер Ю.* Ужас философии: в 3 т. Т. 1. В пыли этой планеты. Пермь: Гиле Пресс, 2017.
- Тригг 2017 – *Тригг Д.* Нечто: Феноменология ужаса. Пермь: Гиле Пресс, 2017.
- Хапаева 2017 – *Хапаева Д.* О культе смерти, вампирах, зомби и трансгуманизме // Археология русской смерти. 2017. № 1 (Том 4). С. 7-20.
- Шеффер 2010 – *Шеффер Ж.-М.* Конец человеческой исключительности. Москва: Новое литературное обозрение, 2010.

References

- Tucker 2017 – *Tucker U.* The horror of philosophy: in 3 vols. T. 1. In the dust of this planet. Perm: Gile Press Publ., 2017. In Russian.
- Trigg 2017 – *Trigg D.* Something: The phenomenology of horror. Perm: Gile Press Publ., 2017. In Russian.
- Нараева 2017 – *Нараева D.* On the cult of death, vampires, zombies and transhumanism // *Archeology of Russian death.* 2017. No 1 (Volume 4). P. 7–20. In Russian.
- Scheffer 2010 – *Scheffer J.-M.* The end of human exclusivity. Moscow: New Literary Review Publ., 2010. In Russian.